

Если всё обстоит именно так, то зачем в это дело вмешались небожители?

Цинь Фэн подавил вскипающий гнев. Он хотел докопаться до истины: если его подозрения подтвердятся, он сравняет гору Юньцзянь с землёй и заберёт Чу Ханьюэ с собой.

Раздев Чэнь Линя, Лянь Гуанмань принялся дотошно изучать его кожу, кости и волосы. Затем он проколол палец юноши, выдавил каплю крови и долго её рассматривал. Эта скрупулёзная проверка затянулась почти на час.

Наконец закончив, он кивнул стоящим за спиной бессмертным девам:

— Он может остаться и продолжить обучение.

Две небожительницы шагнули вперёд. По знаку Лянь Гуанманя они приподняли руку Чэнь Линя и поставили на его поясице красную печать.

Цинь Фэн присмотрелся. На клейме значились два иероглифа: [Высшее качество].

Вскоре оттиск исчез, слившись с кожей. Лянь Гуанмань снова одел Чэнь Линя, мягко коснулся его лба, и вместе с девами покинул комнату.

Цинь Фэн тайком последовал за ними. В других покоях разыгрывалась та же сцена: Лянь Гуанмань раздевал учеников, осматривал их и ставил печати.

Однако знаки различались. Помимо «Высшего качества», которое досталось Чэнь Линю, остальным ставили либо [Превосходно], либо [Не годен]. Цинь Фэн заметил закономерность: кажется, ранг «Превосходно» давали за красивое лицо. Тот же, кто получил «Не годен», не был уродом — просто на его теле красовался след от старого ожога.

Когда Цинь Фэн окончательно уяснил систему их отбора, тревога в его сердце лишь усилилась. Это напомнило ему о трагедии Бессмертного почтенного Шаошана. Тот вознёсся и стал богом лишь потому, что его красота была слишком ослепительной — в итоге Небесный Император запер его в Божественном царстве, что и привело к катастрофе.

Неудивительно, что за последние десять тысяч лет он ни разу не встречал в небесных чертогах выходцев с горы Юньцзянь. Раньше он подозревал, что из них формируют какой-то тайный отряд для выполнения грязных поручений, но теперь всё указывало на то, что ученики горы Юньцзянь прямиком отправляются в гарем Небесного Императора.

Пока он размышлял, Чэнь Линя и остальных юношей перенесли на первый этаж. Лянь Гуанмань магией нанёс на их тела фальшивые следы борьбы, после чего указал небожительницам на тех, кто «не подошёл»:

— В следующем году их отправят обратно, как и велят правила. На сегодня всё.

Увидев, что они уходят, Цинь Фэн вернул себе человеческий облик и ещё раз осмотрел учеников. Кроме глубокого обморока, с ними всё было в порядке. Он проверил верхние этажи, но не нашёл ничего подозрительного; даже странный аромат исчез без следа.

Пока что всё это оставалось лишь его догадками. Чтобы полностью разобраться в ситуации, нужно дождаться следующего года и последовать за главой секты на Остров бессмертных. Если худшие опасения подтвердятся, он обязан увести Чу Ханьюэ отсюда.

Спустя некоторое время Чэнь Линь пришёл в себя. Взгляд его был затуманенным и бессмысленным. Он послушно последовал за Лянь Гуанманем, получил свой оценочный лист и, пошатываясь, отправился восвояси.

Цинь Фэн попытался заговорить с ним, но парень был вялым, ко всему безучастным и явно не желал общаться. Поняв, что толку не будет, Цинь Фэн дождался, пока тот скроется в своей комнате, обернулся змеей и выскользнул в окно.

Когда он вернулся, время обеда уже прошло. Чу Ханьюэ отправил младших учеников на дневной сон. Завидев Цинь Фэна, он нахмурился:

— Где ты пропадал с самого утра?

— Я... — Цинь Фэн почесал затылок, на ходу сочиняя оправдание. — Ходил на утреннюю пробежку.

— Разве пробежка занимает столько времени? — Чу Ханьюэ вывел его из комнаты учеников и повёл в столовую. — Даже про еду забыл. Неужели бег может так увлечь?

Цинь Фэн, заметив, что наставник хоть и ворчит, но всё же оставил ему обед, почувствовал прилив нежности.

— Просто пейзажи на горе Юньцзянь такие чарующие, что я залюбовался и потерял счёт времени. Прости, наставник, я виноват.

Чу Ханьюэ обречённо покачал головой и слегка взъерошил его волосы.

— Ты здесь уже какое-то время и ни дня не отдыхал. Должно быть, тебе действительно нелегко.

— Вовсе нет! — Цинь Фэн решил, что наставник вот-вот взорвётся гневом, и поспешил покаяться. — Это я разленился. Я сейчас же наверстаю всё, что упустил утром.

— Я тут подумал... пожалуй, я был слишком строг к тебе. Отныне у тебя будет два выходных дня в месяц. Сегодняшний вечер тоже свободен, отдыхай.

С этими словами Чу Ханьюэ придвинул к нему небольшую пиалу. В ней лежало несколько ярко-красных плодов, покрытых тонким слоем белой сахарной пудры. Выглядели они на редкость аппетитно.

— Утром просил поваров приготовить сладости для детей. Увидел, что тебя нет, и отложил немного. Ешь не торопясь.

Договорив, Чу Ханьюэ поднялся и вышел.

Цинь Фэн ошарашенно смотрел ему вслед. Наставник сегодня не только не разозлился, но и говорил так мягко? Он даже ущипнул себя за руку: уж не спит ли он? Нет, даже в снах Чу Ханьюэ не бывал столь ласков — там он только и делал, что сверкал глазами, ругался или колотил его.

Цинь Фэн никак не мог взять в толк, что произошло. Закончив обед, он прихватил чашку с ягодами и пошёл на улицу. Там он столкнулся с Цяо Цяньли.

— Опять объедаешь младших братьев? — прищурился тот.

Цинь Фэн демонстративно приподнял пиалу:

— Это наставник лично мне оставил. Старший брат, почему ты вечно думаешь обо мне плохо? Когда это я отбирал еду у детей?

— С чего бы наставнику оставлять это тебе? Ты же не ребёнок, — Цяо Цяньли не стал развивать тему и протянул ему листок. — Вот, я составил график дежурств. Теперь мы втроём будем по очереди купать младших учеников.

— Ещё и купать их?! — у Цинь Фэна разболелась голова. — Им же не по году и не по два, неужели сами не справятся?

— Им всего по шесть лет. Если не хочешь — я попрошу наставника, — Цяо Цяньли боялся, что тот из вредности сорвёт злость на детях.

Цинь Фэн, не желая утомлять Чу Ханьюэ лишними заботами, нехотя согласился:

— Ладно, ладно. Подумаешь, искупать мелюзгу. Я попробую.

Он взглянул на список: его очередь только послезавтра, есть время морально подготовиться. Спрятав бумагу, он отправил в рот очередную ягоду. От мысли, что Чу Ханьюэ выделил его среди прочих, на душе становилось сладко.

Но почему наставник оставил плоды только ему? Неужели... я ему приглянулся?

Цинь Фэн вытер губы и мысленно посмотрелся в зеркало. Вполне вероятно. Он молод, красив — разве не это идеал для Чу Ханьюэ? Да и на всей горе Юньцзянь вряд ли найдётся кто-то лучше него. Если наставник и решит выбрать себе пару, то он — первый кандидат.

«Неужели наставник намеренно проявляет ко мне доброту, намекая, чтобы я был с ним? Хоть это всё я же, но я бы предпочёл, чтобы наставник был с моим истинным обликом.»

В последующие дни Чу Ханьюэ находил поведение Цинь Фэна странным. Юноша перестал ластиться к нему, перестал ходить хвостиком и, кажется, даже намеренно избегал встреч. Чу Ханьюэ не понимал, что за блажь нашла на ученика, но решил не потакать его капризам. Нельзя же вечно его баловать — пусть поостынет и сам всё обдумает.

Против несколько дней крепкий чай, Чу Ханьюэ осознал тщетность своих усилий: Бессмертный почтенный всё равно затаскивал его в сновидения. Тогда он сдался и решил просто ложиться спать, когда придёт время.

Этой ночью, едва он переступил порог спальни, Цинь Фэн нетерпеливо утянул его в сон. Не успел Чу Ханьюэ опомниться, как его уже прижали к постели и начали раздевать.

Сердце Чу Ханьюэ пропустило удар. Он попытался прикрыть распахнутые одежды:

— Что ты творишь? Мы же договорились — передавать божественную силу будем лишь через какое-то время.

— Речь не о силе, — Цинь Фэн отвёл край его одеяния, впиваясь взглядом в поясницу.

Кожа была гладкой, а талия, хоть и узкая, казалась налитой скрытой силой. На мгновение Цинь Фэн забыл о своей цели, заворожённый этим зрелищем. Когда же Чу Ханьюэ замахнулся ногой, чтобы оттолкнуть его, Цинь Фэн быстро провёл пальцем по его коже. Вспыхнул призрачный свет, и на теле проступила красная печать.

Чу Ханьюэ побледнел. Он в изумлении уставился на метку:

— Что это?

— Пока не знаю точно, что это значит, но это напрямую связано с вашими экзаменами.

Они вместе всмотрелись в иероглифы. На этот раз их было четыре: [Высший абсолютный предел].

— И что это значит? — Чу Ханьюэ сел на кровати, изворачиваясь, чтобы получше рассмотреть надпись. — Почтенный, что вы наделали?

Цинь Фэн почувствовал себя несправедливо обвинённым и вкратце пересказал ему увиденное в башне, умолчав лишь о деталях осмотра тел.

— С вашими испытаниями что-то не так.

— Ты хочешь сказать, эта печать — результат экзамена? — увидев слово «Высший», Чу Ханьюэ не обрадовался. Весь этот метод казался ему в высшей степени подозрительным. — И там были две небожительницы? Они проводили проверку вместе с главой?

— Именно. И такие знаки есть не только у тебя и Чэнь Линя. У тех троих детей, которых ты взял в ученики, они тоже есть.

Цинь Фэн заметил их на днях, когда помогал мальчишкам мыться.

— Только у них не иероглифы, а числа: тысяча сто десять, тысяча сто двенадцать и тысяча сто двадцать пять.

Чу Ханьюэ нахмурился, погружённый в раздумья, и вскоре догадка озарила его:

— В тот день было тридцать человек. Десять, двенадцать и двадцать пять — это те места, на которых они стояли в строю. Это их порядковые номера? Почтенный, посмотри... у меня есть номер?

— Должно быть, он уже исчез. Думаю, его перекрыла печать, которую поставили после финала.

Цинь Фэн поправил на нём одежду и завязал пояс. Вид полуобнажённого Чу Ханьюэ был слишком соблазнительным, мешая вести серьёзный разговор.

— Если с горой Юньцзянь творятся тёмные дела, готов ли ты уйти со мной?

Чу Ханьюэ сидел неподвижно, в голове его царил хаос. Раз Почтенный говорит такое, значит, он обнаружил нечто действительно серьёзное.

— Нет. Я не могу их бросить. Если есть проблема — я должен её решить. Я встал на путь

совершенствования, чтобы, став бессмертным, помогать страждущим. Если я не могу спасти даже собственных учеников на горе Юньцзянь, о какой помощи другим может идти речь?

Цинь Фэну до боли нравилась эта его черта — несгибаемая воля. Он придвинулся ближе и ласково взял Чу Ханьюэ за лицо:

— Тогда я пройду этот путь вместе с тобой.

— Впрочем, это не обязательно предвещает беду, — Чу Ханьюэ всё ещё не верил, что глава секты может желать им зла. — Быть может, в этом и кроется секрет вознесения горы Юньцзянь? Столь суровая проверка — залог того, что так много наших учеников достигают божественности.

Цинь Фэн подумал: «Если бы я рассказал тебе, как именно они вас «проверяют», ты бы быстро сменил мнение». Но Чу Ханьюэ был предан своей секте, и сухие слова вряд ли бы его убедили. Кроме того, он не хотел ранить его — ни физически, ни душевно. Лучше сначала всё выяснить до конца.

Он поцеловал Чу Ханьюэ в нахмуренный лоб.

— Раз мы не знаем наверняка, лучше подготовиться заранее. Я передам тебе побольше божественной силы, чтобы в случае опасности ты мог защитить себя. Я придумал способ, как сделать так, чтобы дитя не поглощало её слишком жадно.

<http://bllate.org/book/17570/1662359>